

Т. А. Неверова

**ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ
(на материале трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист»)**

Работа представлена кафедрой русского языка

Пятигорского государственного лингвистического университета.

*Научный руководитель – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук,
профессор И. В. Кичева*

Статья посвящена исследованию контекстуальной синонимии. Рассматриваются вопросы классификации контекстуальных синонимов, композиции и целостной номинации синонимического ряда. Раскрываются возможности контекстуальной синонимии как средства вербализации ментальных структур.

The article touches upon the contextual synonymy. The questions of classification of contextual synonyms, composition and integral nomination of a synonymic row are considered. The author reveals resources of the contextual synonymy as a verbalisation means of mental structures.

Явление лексической синонимии с давних пор представляет интерес для лингвистической науки. Синонимы рассматривались и в риторических трактатах, и в стилистических учениях, и в работах, посвященных организации лексикона, и в лексикографических трудах.

Становление новой антропоцентрической парадигмы в лингвистике оказало влияние на исследования лексической синонимии. Современные подходы к синонимии соотносятся с достижениями когнитологии, поскольку оперирование синонимами – один из процессов, ведущих к добыванию нового знания. Вместе с тем синонимические средства языка играют особую роль в организации ассоциативно-вербальной сети. Синонимы, фокусируя внимание на очень существенных для процессов порождения и восприятия речи отношениях тождества и различия, формируют смысловые вехи текста. Использование синонимических средств способствует разностороннему постижению того или иного явления, создает условия для объемного видения ситуации, позволяет говорящему четко определить свою позицию, реализовать коммуникативные установки. В связи с этим особый интерес представляет изучение в когнитивном аспекте контекстуальной, или, как ее иначе называют, речевой, синонимии. В данном аспекте, где выбор номинации есть одновременно выбор понятия и в ходе поиска слова формируется сама мысль, контекстуальная синонимия имеет преимущество перед языковой, поскольку круг контекстуальных синонимов неограничен. Кроме того, контекстуально-ситуативная обусловленность и единичный характер семантики контекстуальных синонимов дают возможность индивидуального осмысления номинируемого предмета.

Описанные свойства делают контекстуальные синонимы одним из наиболее ярких средств вербализации триадного принципа мышления в произведениях Д. С. Мережковского, чье творчество, по

словам Н. А. Бердяева, «вращается в тисках одной схемы, в эстетически для него пленительном противопоставлении полярностей, тезиса и антитезиса... Вечно стремится Мережковский к синтезу, к третьему, совмещающему тезис и антитезис, к троичности»¹.

Триадность как базовый принцип мышления писателя должна была отразиться в его произведениях, в частности в трилогии «Христос и Антихрист», послужившей материалом для нашего исследования.

Анализ использования контекстуальных синонимов в трилогии, проведенный нами, позволил классифицировать случаи их употребления в указанном тексте. В условиях отсутствия общепринятой и исчерпывающей классификации в области языковой синонимии, а тем более в области контекстуальной, представляется целесообразным выявлять признаки синонимов в трех аспектах: структурном, семантическом, функциональном. Такая классификация дает возможность наиболее адекватно представить систему синонимов, объединение которых обусловлено потенциалом текста.

Морфологическая классификация синонимов понимается как структурная. В соответствии с общепринятым делением частей речи можно выделить контекстуальные синонимы, реализованные именами и глаголами, а также глагольными формами. Контекстуальные синонимы, выраженные местоимениями, не были выявлены, что объясняется спецификой данной части речи (В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелев): местоимения указывают на предмет, не называя его, а потому не могут быть использованы для реноминации или номинации по разным признакам.

Синонимы-существительные встречаются в 14% контекстов, содержащих контекстуальные синонимы, синонимы-прилагательные – в 72%, синонимы-глаголы – в 14%. Очевидно резкое преобладание контекстуальных синонимов, выраженных

именами прилагательными – их вдвое больше, чем всех прочих. Такое доминирование говорит о том, что автор текста регулярно ощущает внутриязыковую лагуну, недостаточность узуальных языковых средств при номинировании признака предмета.

Семантические признаки типологии контекстуальных синонимов могут быть рассмотрены как определенные соответствия логико-семантическим схемам. Это особенно ярко проявляется в тексте трилогии «Христос и Антихрист». Контекстуальные синонимы в исследуемом тексте в большинстве случаев представлены в виде последовательной цепочки, состоящей из двух или трех, значительно реже из большего числа элементов и соответствующей схеме «тезис-антитезис-синтез» (полной или усеченной): «*И ему казалось, что уже не плут Федоска мизерный, а кто-то сильный, грозный, царственный лежит у ног его...*» (Петр и Алексей). В приведенном примере лексема *сильный* соотносится с тезисом как обладающая положительным семантическим компонентом в общем значении лексемы, ср. данные Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «**Сильный** – 1. Обладающий большой физической силой, мощный. 2. Очень основательный, убедительный. 3. Обладающий твердой волей, стойкий. 4. Значительный (по величине, силе, степени)»² и т. д. Лексема *грозный* коррелирует с антитезисом, поскольку в ее значении присутствует отрицательный оттенок, ср. «**Грозный** – 1. Суровый и жестокий. 2. Закрывающий, выражающий угрозу. 3. Величественный и страшный»³. Лексема *царственный*, в свою очередь, соотносится с синтезом и выполняет синтезирующую функцию, поскольку объединяет семы двух предыдущих, о чем свидетельствуют данные словаря. Лексическое значение «**Царственный** – величественный и горделивый, величавый»⁴ содержит сему *величественный*, общую с лексемой

грозный. А лексема *сильный* в значении *значительный* является имплицитной семой лексемы *царственный*. На целостность номинационного семиозиса синонимического ряда указывают несколько признаков. Прежде всего в синонимической последовательности нельзя выделить доминирующую сему. Далее элементы цепочки, согласно данным «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, не являются языковыми синонимами, но синонимизируются в тексте романа «Петр и Алексей» на основе комплексной семантики, несводимой к значению одной гиперсемы. Значение цепочки можно описать следующим образом: некто является и *сильным*, и *грозным*, а потому *царственным*. Данный смысл не исчерпывается значением лексемы *царственный*, равно как и двумя другими по отдельности, хотя слово *царственный* в данном контексте, несомненно, выражает оттенок обобщения. Таким образом, в результате употребления трех лексем, что вполне соответствует триадному принципу, создается сложный смысл, выражаемый всей цепочкой синонимов, а не отдельными ее элементами, согласно схеме «тезис – антитезис – синтез». Контекстуальные синонимы в приведенном примере являются целостной номинацией, созданной языковой личностью автора в условиях ощущения автором недостаточности узуального словаря при переживании или осмыслении нового явления.

Именно подобные цепочки синонимов, представляющие собой целостные номинации в качестве языковой реализации сложного смысла, мы рассматриваем в качестве единиц семантической классификации контекстуальных синонимов в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист». Абстрагируясь от непосредственного лексического значения синонимических цепочек, можно заметить, что их семантическая модель, коррелирующая со схемой «тезис – ан-

титезис – синтез», зависит от числа членов и композиции ряда.

Так, выделяются три основные семантические модели организации контекстуальных синонимов в цепочках: модель с синтезирующим словом в постпозиции (далее – постпозитивная модель), модель с синтезирующим словом в препозиции (далее – препозитивная модель) и усеченная модель, включающая лишь два члена.

Постпозитивная модель соответствует схеме «тезис – антитезис – синтез», например: «*И древнее, страшное, вечное напомнили эти голоса ночного ветра*» (Воскресшие боги). В некоторых случаях тезис и антитезис меняются местами: «*То была дружба ревнивая, нежная, страстная*» (Петр и Алексей). Тип данной семантической модели обусловлен ее структурой: сложный смысл создается последовательно, формируется в результате движения мысли. Логико-семантическая схема «тезис – антитезис – синтез» расчленяется на два блока – «тезис – антитезис» и «синтез». В данной модели, коррелирующей со схемой, на оба блока ложится равная смысловая нагрузка.

Таким образом, постпозитивная модель отличается последовательным развитием смысла и равнозначностью синтезирующего слова и противопоставленных элементов, что придает особый смысловой оттенок целостной номинации, образуемой цепочкой синонимов.

Препозитивная модель соответствует схеме «синтез – тезис – антитезис», например: «*Он обернулся и с досадою, нахмурившись, взглянул на острый, злой и правдивый луч солнца*» (Воскресшие боги), «*Лицо его, хотя все такое же детское, невинное и бессмысленное, уже несколько менее, чем прежде, походило на лицо херувима...*» (Воскресшие боги). Иногда последовательность может разрываться определяемым словом: «*Она потушила свечу и обняла его всего одной бесконечную ласкою, глубокою и страшною как смерть*» (Петр и Алексей). Приме-

чательно, что такое вторжение определяемой лексемы в синонимическую цепочку возможно лишь после синтезирующего слова. Это подтверждает нашу мысль о том, что схема «тезис – антитезис – синтез» в своей реализации в текстах Д. С. Мережковского не монолитна, но, подобно матрешке, состоит из вложенных друг в друга противостояний: ((тезис *vers.* антитезис) *vers.* синтез).

Препозитивной модели присущи отношения пояснения: сначала наблюдается презентация заключения и затем его раскрытие, толкование. Иными словами, если постпозитивная модель представляет собой индуктивный подход, то препозитивная – дедуктивный. Такое «обратное» развитие смысла влечет за собой два важных последствия. Во-первых, на синтезирующее слово ложится большая смысловая нагрузка по сравнению с противопоставленными элементами. Это происходит вследствие того, что препозиция усиливает обобщающую семантику синтезирующего слова, кроме того, отношения пояснения обуславливают возникновение некоторой второстепенности блока «тезис – антитезис». Во-вторых, возникает усиление логической взаимосвязи номинации тезиса и номинации антитезиса. Это усиление обусловлено позицией блока «тезис – антитезис». Находясь в постпозиции к усиленному синтезирующему слову, противопоставление лексем, существующее лишь в данном контексте, а не в языковой системе, редуцируется.

Препозитивная модель таким образом характеризуется отношениями пояснения и усилением как роли синтезирующего слова, так и взаимосвязи противопоставленных лексем.

Усеченная модель также опирается на схему логических отношений между компонентами мыслительной операции «тезис – антитезис – синтез», но лишившейся одного элемента: «...в комнате повеял сладкий, странный запах» (Юлиан Отступник), «*Становилось жутко, как будто приближа-*

лось что-то роковое, неизбежное, как будто должен был раздаться в этой тишине оглушающий крик бога Пана, от которого все живое бежит в сверхъестественном ужасе» (Воскресшие боги). В таких контекстах схема «тезис – антитезис – синтез» восполняется, несмотря на отсутствующий элемент, благодаря полным реализациям в тексте в виде пост- и препозитивных моделей и особой семантике некоторых лексем в языковой ткани текста. Определенные лексемы регулярно используются в качестве синтезирующего слова или же приобретают в результате контекстуального приращения смысла семантику синтеза, и потому в усеченных моделях они также воспринимаются как синтезирующие. В качестве примера рассмотрим лексему *прозрачный*. Она употребляется как синтезирующая: «Глядя на вечернее, бледно-зеленое, прозрачное небо Парадиза, я слушала грустную песню, подобную плачу, и мне самой хотелось плакать» (Петр и Алексей). В то же время лексема регулярно используется для характеристики кометы – одного из немногих очевидных символов синтеза в романе «Петр и Алексей»: «Закрыв глаза, увидел он глухой переулочек, занесенный снежными сугробами, и в конце его, внизу, над белым снегом, меж черных изб, на краю черно-синего неба огромную, прозрачную, нежную звезду», «В конце переулочка, меж черных изб над белым снегом, внизу, на самом краю черно-синего неба сверкала огромная, прозрачная, нежная звезда, немного склоненная, как будто

убегающая в неизмеримые пространства» (Петр и Алексей). Это позволяет в следующем примере усеченной модели: «*Между ними были скользкие, прозрачные слова, в которых тайна сквозила, как солнце сквозь влажный туман*» (Воскресшие боги) – воспринимать лексему *прозрачные* как синтезирующую.

Усеченная модель, как мы видим, отличается неполной корреляцией со схемой «тезис – антитезис – синтез», вследствие чего развитие смысла не наблюдается, однако целостность номинации сохраняется, благодаря существованию в тексте полных моделей и сформировавшейся устойчивой контекстуальной семантики отдельных лексем, обладающих особой значимостью в языковом пространстве трилогии.

Структурно-семантическая классификация синонимов позволяет нам с уверенностью утверждать, что последовательность контекстуальных синонимов в трилогии «Христос и Антихрист» образует целостную номинацию, опирающуюся на схему «тезис – антитезис – синтез», являющуюся проявлением триадного принципа мышления Д. С. Мережковского.

В целом классификация контекстуальных синонимов в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» подтвердила нашу гипотезу о том, что контекстуальная синонимия является одним из наиболее явных вербализаторов триадного принципа мышления писателя в исследуемом тексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н. А. О новом религиозном сознании // О русских классиках. М., 1993. С. 114.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 717.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 871.